

—Окончив Академию, папа получил назначение в Калининград, бывший Кенигсберг, куда мы и переехали весной 1956-го года, и где прошли мои уже вполне сознательные школьные годы с шестого по десятый класс.

—Калининград поразила меня прежде всего своими развалинами. Примерно три четверти города лежали в руинах. Точнее было бы сказать - стояли. Стояли коробки домов с выбитыми бомбами до первых этажей и подвалов внутренностями. Куски стен висели, раскачиваясь, на железных прутьях - согнутом скелете железобетона. Усыпанные битым кирпичом лестницы вели к площадкам, висевшим над пробитыми в домах бездонными колодцами. У некоторых домов как ножом были срезаны торцы, обнажив на срезе многоэтажную структуру со следами живого человеческого жилья: крашеными панелями, а выше побелкой, выключателями, розетками, проёмами внутриквартирных дверей.

Дядя Серёжа, Вовка и Колька Морозы в развалинах Кёнигсберга, 1957-58 г.г.

— Над всем городом возвышалась угловая башня Королевского замка с примыкавшими к ней стенами трёхметровой толщины. Множество кирх продолжало вздымать свои острые шпили над выпотрошенными до основания телами. Стены кирх были выложены из темнокрасного кирпича, намертво сцементированного в единое целое, и многих трудов стоило потом мирным калининградцам разрушить их до конца на общегородских субботниках и воскресниках. Дольше всех не сдавался Королевский замок. Его взрывали и ломали вручную много лет подряд и окончательно развалили лишь к концу шестидесятых годов. Теперь на его месте вот уже пятнадцать лет (*тогда было, когда писалось*) строится Дом Советов.

— Итак, вместо сестрорецкого Разлива и песочнинского леса моими прериями стали калининградские развалины. Лазание по ним увлекало таинственностью и опасностью свалиться с третьего этажа куда-нибудь в подвал - несчастных случаев таких тогда было множество, да к тому же в развалках валялось много заржавленного оружия (я, например, приволок в наш подвал, где мы хранили уголь для печек, два цельнометаллических немецких пулемёта), что позволяло играть со сверстниками в войну во вполне реалистическом оформлении.

— Но это увлечение длилось не больше года. Возраст игр в войну был на исходе, да и развалины после проезда через Калининград Хрущева и Косыгина, направлявшихся морем с визитом в Англию, начали интенсивно сносить и равнять с землёй, а что поцелее из жилых домов - восстанавливать. Кстати, и в развалинах в Калининграде жили люди, занимая в полуразрушенных домах уцелевшие квартиры. Жутковатое ощущение по вечерам вызывали огоньки, мерцавшие отдельными точками на чёрном фоне безформенных искалеченных домов.

Окно в моей комнатке и стрижи над ним

— В Калининграде наша семья впервые поселилась в отдельной квартире, да к тому же такой огромной: три комнаты, кухня, коридор, ванная с туалетом. По нынешним временам огромной, в действительности, была лишь кухня - метров двенадцать квадратных. Две смежные комнаты были жилыми, а третья - изолированная комнатка площадью метров пять вначале использовалась как кладовка по причине неисправности печки, а потом печку наладили, и в этой комнатке поселился я, отчего был несказанно счастлив.

— Квартира располагалась на втором этаже немецкого восьмиквартирного дома с двумя подъездами по улице Красной, дом 49, квартира 3. Две комнаты выходили окнами в сад, а

кухня, ванная и мой "кабинет" - на улице. Прямо над моим окном под крышей лепились гнёзда стрижей. Нам принадлежал ещё и подвал, в котором хранился каменный уголь для печек. Таскать уголь из подвала в старом баке для белья и топить печки было моей домашней обязанностью.

—В семьях соседей по подъезду были мои сверстники - щуплый большеротый Сашка Чесноков, мой одноклассник, и Вавка Караванов (вообще-то его звали Валеркой), на год младше меня. С ними, естественно, я и подружился в первую очередь.

—Вавка и Сашка ассистировали мне в моём новом увлечении - фотографией, Ещё в Песочной папа подарил мне на день рождения широкоплёночную фотокамеру "Москва-4". За полгода я освоил начальную технику фотографирования и проявления негативов, а вот для печати позитивов у меня не было фотоувеличителя. Очень редко они бывали и в продаже, особенно для широкой плёнки, так что вначале приходилось удовлетворяться отпечатками 6 на 9 см, получаемыми контактным способом. В качестве красного фонаря, необходимого при печати, я приспособил посылочный фанерный ящик, в стенке которого прорезал отверстие и заклеил его вощёной красной бумагой. Этим ящиком просто накрывалась вместо абажура обыкновенная настольная лампа.

Фотолюбители (я, Вовка Мороз, Сашка Чесноков и Вавка Караванов, 1957 г.)

—Оказалось, что то ли у Сашки, то ли у Вавки есть фотоаппарат "Любитель" (6 на 6), а к нему продаются недорогие приставки для увеличения при печати. Я уговорил маму купить такую приставку, и наша кухня по вечерам превращалась в фотолабораторию. Печатали фотокарточки в восемь рук: я, Сашка, Вавка и мама. Сашка и Вавка не всегда выдерживали тяжёлые условия труда, и был случай, когда один из них уснул под столом. Мама же и в этом моём увлечении поддерживала мой энтузиазм, и сама заражалась им.

—Тонкостям же фототехники обучил меня дядя Сережа Мороз (Морозы в отпуск приезжали к нам в Калининград, как раньше в Песочную), сам заядлый фотолюбитель ещё с довоенных времён, да к тому же инженер ГОМЗа - Государственного оптико-механического завода, выпускавшего помимо телескопов и прочей сложной оптической техники ещё и фотоаппараты. Дядя Сережа делал прекрасные фотографии простейшей гомзовской фотокамерой "Смена". Он приобщил меня к чтению литературы по фотографии, научил составлять различные варианты проявителей и других необходимых растворов и снабжал химикалиями, что было важно в условиях дефицита фототоваров в Калининграде. Я обзавелся аптечными весами и разновесками, после чего мог считать себя уже почти профессионалом.

—Осенью 1956 года я записался в фотокружок Дома пионеров. Папа принёс с работы казённый "Зенит", и я перешёл на узкую, 24-миллиметровую плёнку, главным образом, из тех соображений, что 36 кадров одного рулона этой плёнки стоили дешевле, чем 9 кадров

рулона широкой плёнки, да к тому же приставка к "Любителю" не позволяла добиться высокого качества при увеличении - равномерного освещения и резкости по всему кадру, а мечтать о хорошем увеличителе для широкой плёнки не приходилось: они были слишком дорогие, да и в продаже появлялись редко. Достоинств "Москвы-4" я в детстве так и не оценил, а ведь обладал отличной камерой.

— Занятия в Доме пионеров увенчались тем, что уже следующим летом (в августе 1957 года) меня отправили в составе пионерской делегации с обязанностями фотокорреспондента в Польшу. Прервалось же моё фотолюбительство (к счастью, временно) весьма драматично: в Доме пионеров у меня спёрли "Зенит", оставленный в фотолаборатории нашего кружка, пока я ассистировал на киносъёмках тут же в Доме пионеров, где, кстати, сильно прижег себе подбородок осветительной лампой - два несчастья сразу. Помню, как я уныло бродил в садике под окнами Дома пионеров, то ли надеясь, что вдруг кто-то пошутил и просто выкинул "Зенит" в окно, то ли оттягивая ужасный момент возвращения домой.

— Разгневанный папа отнёс в комиссионный магазин мою "Москву-4", чтобы выплатить на работе стоимость "Зенита". Выложить просто из кармана такие деньги папа не мог, несмотря на свой чин капитана 3-го, а потом 2-го ранга, ведь мама не работала, а детей трое, и жили мы во все мои школьные годы весьма скромно. Даже мебель в квартире обычно была казённая, а телевизор и холодильник появились лишь после папиной службы в Египте, когда я был уже студентом-старшекурсником. Возродились мои занятия фотографией где-то в старших классах, когда мне купили "Зоркий-5" (выпросил таки), служащий мне и по сю пору (*писано в начале 80-х годов*).

(продолжение следует)